

ИРИНА
ВИТКОВСКАЯ

*Три
книжки
про
любовь*

повести
и рассказы

Ирина Валерьевна Витковская
Три книги про любовь.
Повести и рассказы.
Серия «Время читать!»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25375478

*Ирина Витковская. Три книги про любовь : Повести и рассказы: Время;
Москва; 2017*

ISBN 9785969116665

Аннотация

В книгу вошли новые произведения автора: две подборки рассказов, повесть "Я, папа и все остальные", а также повесть "Всё о Мишель", ранее опубликованная в книге "Один рыжий, один зелёный" (лауреат премии "Писатель XXI века" за 2016 год и международной литературной премии им. Хемингуэя, Торонто, 2016). Что самое дорогое для нынешнего читателя в нашем сложном и суетном мире? Пожалуй – простое, тёплое слово, идущее от сердца. Такова проза Ирины Витковской, полная лиризма и проникновенности, радости и печали, достоверности и бесконечной любви автора к своим героям. Она пишет о недавнем прошлом и увлекательных поездках по Европе в наши дни, о соседях и случайных встречах, о себе, о времени. О жизни. И мы верим ей.

Содержание

Информация от издательства	4
Мы, как они есть. Короткие истории	6
***	6
Про вкус	8
Про женское	11
Про грустное	14
Про регламент	16
Про ХВ	18
Про мужиков	19
Про цыганку	21
Про цыган	23
Про трупы	27
Про слабо	28
Про...	34
Про катыклош	39
Про ГТО	43
Про пирожки	46
Про варенье	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Витковская

Три книги про любовь

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Витковская И. В.

Три книги про любовь: Повести и рассказы. – М.: Время, 2017. – (Серия «“Время” читать!»).

ISBN 978-5-9691-1666-5

В книгу вошли новые произведения автора: две подборки рассказов, повесть «Я, папа и все остальные», а также повесть «Всё о Мишель», ранее опубликованная в книге «Один рыжий, один зелёный» (лауреат премии «Писатель XXI века» за 2016 год и международной литературной премии им. Хемингуэя, Торонто, 2016). Что самое дорогое для нынешнего читателя в нашем сложном и суетном мире? Пожалуй – простое, тёплое слово, идущее от сердца. Такова проза Ирины Витковской, полная лиризма и проникновенности, радости и печали, достоверности и бесконечной любви автора к своим героям. Она пишет о недавнем прошлом и увлекательных поездках по Европе в наши дни, о соседях и случайных встречах, о себе, о времени. О жизни. И мы верим ей.

© Ирина Витковская, 2017

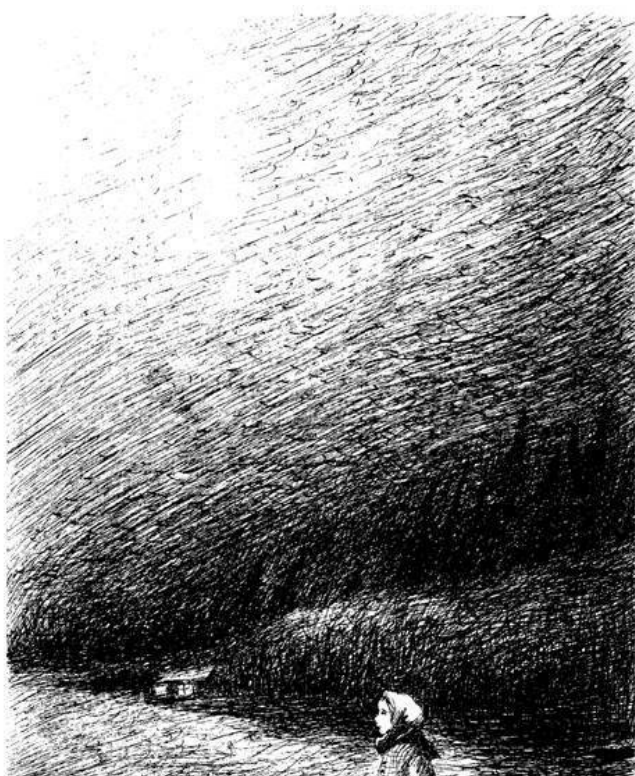
© Александра Николаенко, рисунки, 2017

© Валерий Калныньш, макет и оформление, 2017

© «Время», 2017

Мы, как они есть. Короткие истории

* * *

Это всё – о нас. Невыдуманное. Из глубокого прошлого и из сегодняшнего дня. Увиденное. Услышанное. От друзей, сослуживцев и просто знакомых. Случайных попутчиков в поезде. Родственников, дальних и близких. Тех, с кем порой случайно сводила судьба, чтобы подарить историю и разлучить навсегда.

Поэтому они, эти истории, такие разные – смешные, грустные, горькие и поучительные. Чтобы сохранить авторскую интонацию и особенности характера рассказчика, я порой веду повествование от первого лица. И окружаю себя пёстрой компанией, и слышу голоса и даже смех многих из них, кого уже и на свете-то нет...

Про вкус

Когда деду стукнуло восемьдесят, он сильно сдал, конечно. Сядет – и сидит, бывало, на парадке¹, смотрит в одну точку. О чём думает, думает ли вообще? Он и всю жизнь-то немногословный был, а в теперь и совсем замолчал.

Многое забыл. Забыл, как шить (это он-то, профессиональный скорняк-шапочник). То есть ногой работал, строчку вёл уверенно, ровно, как в молодости, а вот что к чему пристрочить – увы...

– Совсем глупой стал, – вздыхала бабуля, – ни латку поставить, ни прореху зачинить...

Сама она ещё бодрая была, целый день по дому шустрым веником сновала, не могла себе позволить сиднем сидеть... Бежит из комнаты в кухню, а там в самой середине дед стоит – застыл в онемении. Она его раз – быстро и ловко вбок, к столу подвинет – и дальше побежала. Потом назад несётся, уже на стол что-то поставить надо: деда швырк – и к печке. И так целый день туда-сюда мужа своего по кухне передвигает. Ну ругнётся иной раз, как без этого?

Тётка Маруся, дочка их, наоборот, большое терпение проявляла. Ходила за ним, подсказывала, что делать надо. Вот проснётся утром дед, сядет на кровати – и застыл. А она ему – р-р-раз! – штаны подаёт. Дед штаны надел, опять застыл. А

¹ Отдельный вход в квартиру с улицы в многоквартирном доме (местн.).

она ему раз – рубаху. Потом – мыло, станок бритвенный. А если не подать, весь день на кровати так и просидит. Не сообразит, что дальше делать надо. И так она потихоньку-пологоньку двигала его, жить заставляла.

Толкала в магазин ходить за хлебом, в соседний дом. Ходил. Ни разу не заблудился. Рефлекс. Надо было только дать сумку клеёнчатую в руку, в другую высыпать мелочь – ровно только! – и, глядишь, дед ожил, потрюхал в хлебный. А там: вошёл – и сразу к полкам. Вилкой двузубой, бечёвкой к гвоздю привязанной, буханку наколол и в сумку – шварк! На кассе шестнадцать копеек в тарелочку высыпал... Теперь назад.

Как-то раз она решила усложнить задачу. Одежду положила на кровать, строго сказала: пап, хлеба надо! Одевайся!

И ушла в кухню рыбу дожаривать.

Дед так долго копался, что тётка подумала – опять спать лёг, не выйдет уже. Нет, вышел. Крас-са-вец! Рубаха, носки, как положено, но... На синие брюки сверху серые трусы надел и стоит – взглядом спрашивает – хорошо ли? Можно так идти?

Маруся смех едва сдержала и говорит:

– Пап, нет, так нельзя. Ты что удумал? Куда ты на улицу в таком виде? Так не годится.

– Не годится? – переспросил дед.

– Не годится, – твёрдо ответила она. – Иди переодейся.

Расстроенный дед поплелся в комнату – думать, чего у

него не так, и переоблачаться. Отсутствовал полчаса. Чем-то там шуршал, гремел ящиком шифоньера. Потом вышел.

Тётка глянула – и спиной к печке привалилась, затрясло её от невозможности смех сдерживать... Потому что дед стоял, готовый к выходу, в серых трусах поверх серых брюк.

...В магазин за хлебом в тот день так никто и не пошёл. Доедали что осталось.

А вечером тётка Маруся в лицах пересказывала нам с мамой эту историю. Мама, отсмеявшись, сделала серьёзные глаза и резюмировала:

– А всё это почему, как вы думаете? Потому что у папы – безупречный вкус!.. Ну ошибся слегка, а потом-то дошло: не сочетаются серые трусы с синими брюками! Серое – надо с серым, и никак иначе!

На том и сошлись.

Про женское

– Как какие семинары? Не помнишь, что ли, семинары начала восьмидесятых? Раз в месяц – будь добра, езжай в область и сиди там, в методическом отделе в каком-нибудь ДК, семинарься... Да я сама такие семинары пачками проводить могла, лучше ещё в сто раз. Как понесут нудень всякую, да с таким умным видом: планы партии – планы народа... До сих пор тошнит... Прямо ты планами партии работаю во дворец заманишь, свой план выполнишь, ага. Фильм индийский – другое дело. Трио цыганское. Ну, а если уж тематический вечер, то буфет с пивом обязательно, а в конце по фойе чтоб Коробкин ходил, на гармошке частушки наяривал. Конечно, народ простой, да. Отсюда и потребности...

Ой, тьфу, сбила ты меня... Я ж совсем про другое рассказывала. Про Лидию Парамоновну... Помнишь? А то конечно, как не помнить... Хватит ржать. Нет, она тогда ещё не директором была, только-только кулёк окончила. Зав оргсектором. А я – детский сектор. Сколько нам было? Ну, ей лет тридцать семь, а мне уже за сорок...

И да, явились две такие на семинар, сошли рано утром с поезда, а в девять в фойе сидели, в каком-то дворце областном – в каком не помню уж, хоть убей. В десять семинар. Смотрю, Лидия – круть! Верть! И не раздевается. А помнишь, как одета была? Шляпа с полями из лебяжьего пуха,

в комплекте со стёганым болоньевым пальто; на ногах полусапоги, тоже белые, на пять сантиметров молния на икрах не сходится... Но ведь это не главное, правда? Главное – ощущать себя солидной дамой, к месту и красиво одетой. А с этим у неё всё в порядке.

Ну вот... Мясась-мясась, полдесятого не выдержала:

– Валь-Валя, прикрой меня, – говорит. – Я тут... корову продала... у матери в деревне. Мне в магазин срочно надо...

То-то, я думаю, она всю ночь с сумкой не расставалась – и в туалет с ней, и под подушку... Ясно, деньги там большие были.

Иди, говорю, Лида. Прикрою.

Зарегистрировала её как присутствующую, всю мутотень семинарскую вытерпела, даже сделала вид, что записываю... На обед ходила.

В три часа является. Извинилась, пошла в кабинет. Пальто в гардероб сдала, шляпа на голове торчит – как можно с ценностью такой расстаться?.. Глаза горят, задыхается от возбуждения. В руках сумок нет никаких. Странно. Села рядом со мной, руки почти по плечи под столом спрятала. Посидели-посидели, внимание отвлеклось от неё, и вдруг она мне, шёпотом, не поворачивая головы:

– Валь-Валя... глянь, – и глазами вниз показывает, под стол.

Я так, как бы ненароком, вроде тесно мне за партой, отодвигаю стул назад и глаза под стол скашиваю, куда она мне

кивает. Под столом вижу её кулаки сжатые, пальцами вверх. Ну что – думаю? А кулаки по коленям стучат, отсчитывают: раз! два! три! – и:

– Ха!.. – кулаки разжались, пальцы-сардельки раскрылись...

Я такого в жизни не видела... На каждом-каждом пальце синенький-зелёный-красный-жёлтый! – перстень сидит... Как говорится, и смарагды, и сапфиры, и яхонты... Вся шкатулка самоцветная. Эх, жалко ты не видела. А мне вовек не забыть. Лидка в лебединой шляпе, от жары отдувается, перья от дыхания колышутся; лицо блаженное, глаза к небу, рот полуоткрыт. А под столом – шуйца и десница огнём горят, сокровищами Хозяйки Медной горы переливаются. У меня в тот момент одна только мысль в голове проворачивалась: она ж и без колец-то свои пальчики-колбаски сроду вместе собрать не могла, как же теперь, окольцованная, управляться-то будет?

Но, как жизнь впоследствии показала, управлялась как-то.

Про грустное

Как же она его любила! Всю жизнь, с первого свидания... Знала всегда, главное – любить. И спорила с нами, подружками.

Он тоже, конечно... Поначалу. Она ведь красавица – кареокая, улыбчивая. Кожа белая с ровным румянцем, как яблоко сорта бельфлёр-китайка. До сих пор ни одной морщинки.

Замуж за него пошла, сына назвала его именем.

И началось...

Изменял. Предавал. Подличал. Смеялся над её слезами. Уезжал когда хотел. Жалил словами.

Нет, семью обеспечивал, не бедствовали никогда. И на неё денег не жалел. Детей любил. Только с ней вот таким образом. За что? Да ни за что. За то, что любила.

А она любила. Вопреки всему. Изнемогала. Плакала. Рвала в немой истерике сердце. А потом всё равно прощала, хотя он и прощения-то особо не просил. Так, иногда. Сквозь зубы.

Сидим с ней на кухне. Тридцать пять лет замужем. Обе. Смотрю на неё и думаю: на чём-то должно это чувство держаться? На унижении и страданиях? Не бывает так. И всё же слушаю в который раз, как она пытается удержать, не растерять свою любовь... Свою!.. Израненную. Истерзанную. Еле

живую. Что однажды уже похоронила её... Но...

Она приближает ко мне своё лицо – такое же улыбчивое, нежное, как и тогда, в молодости.

– Я тебе секрет открою, – говорит, – на чём она сейчас держится.

– Раз как-то сын внука привёз, тогда ещё трёхлетнего. Дед взял его за руку и повёл к пруду, закат смотреть... Я в тот миг на крыльце стояла, провожать их вышла. Вот они по дорожке к калитке идут. Вот уже в калитку выходят. Наш высокий красавец дед и кроха-внук; большой маленького за ручку-стебелёк держит. Взрослый бережно наклонился к малышу и спрашивает о чём-то... В этот момент – вспышка!.. И моментальная фотография – на всю жизнь!.. Большой и маленький на фоне закатного солнца. Рука в руке. И ощущение огромной защиты, и невозможности предать, и готовности отдать жизнь за это маленькое, хрупкое, живое, родное... Всё то, что я для себя хотела. Меня качнуло – думала с крыльца упаду, честно...

Она опять улыбается.

Вот это воспоминание и удерживает её любовь. Тоненькая шёлковая ниточка. Сквозь все обиды, грубости, ревность, предательство – моментальная фотография на фоне закатного солнца. Стоит вызвать её в памяти, закрыть глаза – и всё возвращается. И слёзы градом. И любовь. Вот она.

Она плачет.

А я в очередной раз чувствую себя полной дурой.

Про регламент

Огромная очередь к чудотворной иконе. Ранняя весна. Жуткий ветер и холод, летает снежок. Очередь окоченела, но терпеливо ждёт.

Отстояв большую половину, теряя терпение, нервничают двое молодых военных, сетуя на медленное продвижение, на то, что достоявшиеся слишком долго торчат перед иконой...

– Потому что никакого порядка... Каждый стоит перед иконой по полчаса. Что там просить – полчаса?! Раз-два, здоровье близких – и всё! Я подсчитал – хватает десяти секунд, ещё пять – перекреститься, опустить записку. Регламент!

Очередь:

– Но душа, исповедь не поддаются регламенту...

– Очень даже поддаются, как это не поддаются? Всё дело в охраннике. Там, внизу, у мощей, очередь идёт быстро, потому что торопят, а здесь охраннику всё равно.

Очередь:

– Всё по благословию. По всей видимости, охранника внизу благословили поторапливать, а этого батюшка не благословил...

Военные:

– Значит, должен подойти и получить благословение. Всё можно быстро и прекрасно организовать. Установить чёткий

регламент...

Очередь (грустно и тихо):

– Да, конечно, если бы Господь носил погоны...

Про ХВ

Канун Пасхи. Чистый четверг. Вся страна красит яйца и закупается куличами.

Странный мужчина в булочной – сравнительно молодой, в небрежной одежде, с клочковатыми волосами и рассеянным взглядом. Стоит в очереди за хлебом.

Неожиданно замечает выставленные на прилавке нарядные, самого разнообразного вида куличи. Внимательно рассматривает их, крутит головой; то с одного, то с другого бока, нацепив очки, читает надписи «ХВ», сделанные цукатами, изюмом или просто цветной глазурью. Дождавшись своей очереди, купив хлеб, неожиданно спрашивает:

– А вот это... Что это у вас за пирожки такие странные – «экс би»?

Про мужиков

– Ни-ни-ни, даже не говори мне ничего. Уроды они все. Я не переживаю, нет. Не дай бог с каким мужиком не просто связаться – словом перекинуться. Особенно когда он тебе своё общение навязывает. Обязательно в дерьмо вляпаешься.

Ну вот хоть этот, вчера. Я-то его давно знаю. Всё время у храма ошивается. Рыжий такой, наглый. Так глазами и рыщет.

Ну, стою, значит, службу. Скромненько так, незаметно, на своём любимом месте, возле свечного ящика.

Ага, незаметно... Для всех, только не для него.

Подходит. И в ухо прямо:

– Сестра... Помоги пятью рублями.

Ну, ты моё финансовое положение знаешь.

– Не обессудь, – говорю, – нету пяти рублей... На троллейбус – и то нет, пешком до храма хожу.

Он отошёл, походил-походил, и опять, теперь с другого бока:

– Ма-а-атушка, дай пять рублей, голодаю...

– Да нет у меня, – шепчу, – не обманываю я, нет денег...

Опять отошёл, пошатался, и снова ко мне:

– Владычица, подай хоть сколько...

На «владычице» я сломалась. Полезла в карманы – собра-

ла медь – в одном кармане две монетки по десять копеек, в другом одна.

– На, – говорю, – сколько есть...

А он, гад, взял, побренчал медяшками, пристально на меня посмотрел, и, шёпотом, сволочь такая:

– А может, ко мне поедем, а? Ну – или к тебе...

На меня столбняк напал. Стою, глазами лупаю. Смотрю, как он надо мной нависает и игривым голосом мурлычет гадостно:

– Ты, – говорит, – давно мне нравишься...

Ну не сволочь, а?

Его счастье, что всё это в храме произошло. За церковной оградой ох я бы ему ответила...

Про цыганку

Людской поток выносит из метро молодого человека довольно приятной наружности. Он не модно, но весьма добротнo одет: песочный двубортный плащ, брюки (а не джинсы), на голове не совсем типичная для его возраста «шахматная» шляпа с маленькими полями. В руках – потёртый, тяжёлый, довольно объёмистый пакет.

Только шагнул на улицу – цыганка: косынка кульком, мужской пиджак в комплекте с креп-жоржетовой цветастой юбкой, зубы золотом горят:

– Залато-о-ой! Падай на прапитание-е-е... Сегодня праздник большой... Дети маленькие-е-е, жить трудна-а-а... Падай ради бога-а-а...

Всё, приклеилась намертво. Выбрала жертву. Сто человек рядом облегчённо вздохнули: слава богу, не меня...

А жертва... Жертва реагирует совершенно не так, как это сделали бы мы, обычные пешеходы и пассажиры метро.

Молодой человек сам бросается к цыганке, обнимает её одной рукой, радостно-проникновенно смотрит в глаза и увлекает в сторонку. Около стены он ставит пакет и извлекает яркую нетолстую книжечку. Не убирая руки, он гладит цыганку по рукаву пиджака, изредка ободряюще похлопывая:

– Дорогой вы мой человек! Вы даже не представляете, на-

сколько по адресу обратились! Вам трудно живётся? У вас тяжело на душе? Господь никогда не оставляет сирых!

Речь его звучит громко, красиво; ясные, проникновенные слова взмывают над толпой, как вещие птицы: «...слово Божие... придите и прикоснитесь... вместе мы сможем...»

Даже цыганка заслушалась. Через несколько секунд она пошлёт его, конечно, и уже её напутственные слова полетят под сводами перехода, как каркающие вороны.

Но пока: открытый в изумлении рот, полный сверкающих золотом зубов, вытаращенные глаза, сбившаяся набок козынька кульком...

Класс, а?

Про цыган

Было это – в незапамятные времена. Нам с мужем тогда только-только за двадцать пять «перевалило». Проживали мы в маленьком уральском городке, перестройкой ещё и не пахло. Жизнь была нищая, но весёлая...

Солнечным, чудесным сентябрём вышли мы из леса после недельных блужданий в районе горы Денежкин Камень. Неистойвой красоты осенний лес, музыка ночной реки (Шегульган это был? Шарп? – уже не помню)... И небо – словно дырчатая чёрная ткань над головой: выползешь в полночь из охотничьей избы по надобности и задохнёшься – весь сон долой... Голову кверху задрал – звезда по носу царапнула. И мысли сразу – о тех, древних, что со священным ужасом так же стояли здесь, и о тех, кто через столетия будут стоять, объятые темнотой, пересыпанной алмазной пылью...

Короче, вниз сходишь не то чтобы слегка, а даже очень здорово обалдевший и не можешь сперва адекватно воспринимать окружающую действительность.

Вот так, будучи немного не в себе, наша четвёрка и ввалилась в вокзал города Серова.

Взяли билеты до станции назначения и вышли в сквозные двери на перрон. Этот сейчас я понимаю, что уже в здании вокзала ощущалось что-то неладное – у кассирши были испуганные глаза и напряжённое лицо, кто-то за стеной отча-

янно кричал в рацию, а у самого выхода железнодорожник в форменной фуражке (дежурный по вокзалу?) никак не мог решиться выйти к прибывающему поезду и вытирал платком лысину, то и дело снимая свой головной убор.

Ну а мы смело толкнули дверь – и оказались... в цыганском таборе. Это сонмище цыган гомонило, сновало и вообще жило своей жизнью на перроне города Серова в ожидании поезда Серов – Москва.

Впечатление цыгане производили ошеломляющее. Они за считанные минуты обжили привокзальное пространство, как клочок земли под вольным степным небом: между перронными фонарями были натянуты верёвки, на которых моталось какое-то тряпье; огненным флагом развевался драный плюшевый ковёр. Слева, где заканчивалась платформа, перед какими-то подсобками, полыхал костёр, над ним – на чугунном тагане – котёл. Цыганский подросток огромным деревянным веслом помешивал булькающее варево. На куче песка рядом с вокзальными дверями сидел абсолютно голый чумазый младенец. Всё двигалось, громко говорило, приставало к пассажирам, ожидающим свой поезд.

Пассажиры пребывали в панике. Глаз выхватил женщину, повернувшуюся лицом к стене вокзала и закрывшую собой чемодан и мальчика. Слух резанул женский визг – визжала тётка, держа свою поклажу обеими руками, а на неё наступала босая гадалка, нахально улыбаясь...

Мы, к счастью, интереса для табора не представляли –

брезентовые штормовки, прожжённые костром, выдавшие виды рюкзаки, ободранные вибрамы... Стояли, опираясь рюкзаками о стену. Надо было ещё сориентироваться, где будет наш вагон. Неужели в соседях с табором поедем? – билась в голове у каждого ужасная мысль. Но никто её не озвучил.

Прибыл наряд милиции. Вместе с ними из «козла» вышел седовласый полковник – видимо, начальник местного отделения. Подтянулись работники станции в форменных фуражках. Но пробраться через плотную цыганскую толпу можно было с трудом и только боком.

Подали поезд. Цыгане заорали и ринулись к первому вагону. Подножка была ещё не откинута, проводница только-только открыла дверь. Перед вагоном стояла милиция, начальник отделения и начальник вокзала. От третьего вагона пытался пробраться начальник поезда.

Начальник милиции прокричал какое-то объявление – что-то про никто... по билетам... организованно. Его слова утонули в вое, свисте, рёве цыганской толпы. На материнских руках взлетели младенцы – ими размахивали и тыкали в морду представителям правопорядка. Босая гадалка, не выпуская сигарки изо рта, яростно рванула кофту на груди – зазвенели мониста, мелькнуло голое тело. Начальника шарахнули спиной об вагон; высоко полетела фуражка... Цыганята, как обезьяны, запрыгнули в тамбур и опустили подножку. Цыганская толпа хлынула внутрь.

Мигом в вагон был заброшен дымящийся котёл с едой и бельё вместе с верёвками, потом образовался живой коридор, по которому прошли, смеясь и покуривая, немногочисленные цыганские мужчины.

Вот не скажу, сколько вагонов заняли цыгане – смотреть было некогда. Наши ребята шустро протащили нас по освободившемуся пространству до последнего вагона – туда, куда были выданы билеты и где представителей кочевого племени не оказалось...

Перевели дух. Закинули вещи и залегли на третьи полки, как и положено турягам.

Почему-то поезд отправился на пятнадцать минут раньше. Вагоны медленно проплывали мимо перрона, помеченного следами нашествия цыган. Валялись ошмётки, расквашенный ботинок, картонные коробки, какая-то драная кошма. Догорал костёр. Рядом с костром провожал поезд милицкий «козел» с заведённым двигателем.

Табор на колёсах уплывал... Куда? А вот этого мы никогда уже не узнаем. В Москву, видимо. Куда же ещё?

Про трупы

Выставка «Тайны человеческого тела». Экспонаты, сделанные из трупов людей, особым способом обработанные для демонстрации строения человека. Много-много залов с лежащими и стоящими жутковатыми объектами, распахнувшими для обозрения брюшную полость и черепную коробку. Ну конечно – само собой – печень алкоголика, лёгкие курильщика, поджелудочная скончавшегося от панкреонекроза... Всё в открытом доступе, даже и потрогать можно. Ходим, поёживаясь, поначалу идентифицируя этих господ без кожи или просто скелеты с собой. К концу экспозиции – ничего, привыкаешь. А что, нормально...

У выхода лежит нога в поперечном срезе. Она «нарублена» на 10-сантиметровые фрагменты, которые немного раздвинуты: обходи со всех сторон, любуйся, как у тебя в нижних конечностях всё устроено – кости, мышцы... Познавательно. Обходим. Любуемся.

Ну, дальше уже только доска отзывов. Люди пишут. Благодарят. Читаем и отзывы – «деньги плочены»...

Вдруг!.. По глазам – жжах!.. Лаконичная надпись, крупно: «ОСМОТРЕЛ. ЗАХОТЕЛОСЬ ХАМОНА».

Стоим. Офигеваем. И... – захотелось. Этого самого хамона. Всем. Как ни цинично в этом признаваться.

Вот что это, а?

Про слабо

И чего они все бесились по поводу этих чёртовых причёсок? Лучше б на учебный процесс усилия свои направляли. Середина семидесятых – такое время, когда серую «мышиную» форму в старших классах уже запаadlo носить было, а ту, синюю, ещё не ввели. Поэтому мальчикам – просто тёмный костюм; если жарко – однотонная рубашка, стрижка аккуратная – на усмотрение родителей. Уши оголены чтоб, затылок «снят», спереди – желательно пробор с зачёсом набок. Буэ-э-э...

Особенно бесился Шеф. Сам-то он в конце сороковых увяз: волосы кудреватые смоляные, зачёсанные назад; а если кудря на лоб падала, то он её ловко – р-р-яз! – и клешнёй своей короткопалой на место. Жест, не лишённый кокетства. Ладно, хоть ума хватало свою причёску в пример не ставить.

Его, конечно, понять можно: директор школы – во-первых, бывший военный – во-вторых. Видимо, он был бы рад, если б мальчишки поголовно в гимнастёрках ходили с подшитыми подворотничками. И стрижка чтоб одного фасона на всех. Без баловства.

Нет, он и по поводу девчонок высказывался, конечно. Не нравилась ему, видишь ли, причёска в два хвоста над ушами. Ну такая, как у Принцессы в «Бременских музыкантах». Изображал он её довольно противно, с размаху приставляя

свои кургузые кулаки к голове с обеих сторон. Ехидно не намекал, а напрямую говорил, что эти хвосты напоминают ему рога. Полкласса сидело с этими симпатичными рожками – шелковистыми, в локонах, и не знали, куда деваться от страха, глаза прятали; а ну-ка Шеф распалится и начнёт выдавать свои комментарии, лично к тебе обращённые. С него станется...

Шеф преподавал физику. Орал, топал ногами, швырялся тетрадами. Я от страха в сочетании с природной дубинноголовостью не понимала ни черта. Да и, господи, я одна, что ли? Пол-урока он обычно гвоздил нас в хвост и в гриву за лень и тупость. Получая на стандартный вопрос: «Где тетрадь с домашним заданием?» стандартный ответ: «Дома забыл», Шеф упирался руками в стол и издевательски тянул:

– А ты поза-а-автракать сегодня не забыл?

И всеми силами добивался ответа. Когда получал еле слышное «нет, не забыл», просто взвивался от радости!

– Канешна-а-а!.. О чём я спрашиваю!.. Позавтракать!.. Святое! Брюхо набить!.. Как-к-ая там физика! Тетрадь!

Раз кто-то в виде исключения решил сказать, что да, забыл позавтракать, ну просто, чтобы разнообразить представление. О божечки, что тут началось...

– Забы-ы-ыл?! – орал Шеф. – Позавтракать? Даже это забыл? О чём тогда вообще с тобой разговаривать, что в башке твоей глупой? Если бутерброд с колбасой под носом своим не видишь, а? Тебе в какой школе учиться надо, если ты... –

ну и пошёл, и пошёл...

Ой, правда, что это я? Я же совсем о другом хотела.

Короче: наш восьмой класс; урок физики. Весна. Настроение подавленное.

У доски – Васька Селивёрстов. Удивительный персонаж. Глуп как пробка. Знаете, как слово «галлюцинация» писал? «Гуледценацяя». И не знал, конечно, что это такое.

Красив, как... Олег Видов, помните такого? Вот только ещё лучше. К тому же – соло-гитара в школьном ансамбле. По поводу своих колов совершенно не парился. Видимо, думал, что его привлекательная внешность откроет любые двери. (Нет, не открыла, как впоследствии оказалось.) Но – к делу.

Селивёрстов у доски, то есть спиной к доске, – в свободной расслабленной позе, клеша от колена тёмно-синие, рубашка приталенная в светло-синих восточных огурцах. Заострённый длиннющий воротник, две верхние пуговицы расстёгнуты. Ботинки на платформе. Баскетбольный рост, спортивная фигура. Глаза – синь поднебесная. Волосы – светлый лён – аккуратно, модно подстрижены. В меру длинные. Удлиненные, скажем так.

И – Шеф. Как Васька в кривом зеркале: маленький, квадратный, черноволосый. В любимой позе – набыченный, о стол двумя кулаками опёрся. Даже спрашивать не стал. Сразу:

– Чево за рубаха на тебе, Селивёрстов, а? Ты чево – на Со-

ветскую вышел, с подругой прогуляться? Или в школу пришёл? Что за рубаха, я спрашиваю?

– Рубаха, – безмятежно ответил Васька и улыбнулся.

– Рубаха-а... – зловеще протянул Шеф. – Ходят, понимаешь... битлсы... любу-уются собой... Тошнит от вас!.. Идёт такой – патлы са-а-льные, рубаха до пупа расстёгнута, на шее – висю-юлька... Не парень – тьфу! И – любит себя, любит-ся... Думает, девки штабелями перед ним...

Васька обалдел от несправедливости высказывания. Во-первых, выглядел он аккуратно: ничего до пупа расстёгнутого, висюльки тоже нет, волосы чистые. Особенно обидным показался пассаж о любви к своей внешности. Не принято это было. Улыбка сползла с его лица.

– Чё сразу...

А Шеф, опытный, гад, тут же дожал:

– Лю-любишь, любишь себя, за версту видно... Зеркало, небось, каждый день дома полируешь – на себя любоваться... И так и этак...

И показал как.

– Вы чё на меня? – окрысился Васька. – Чё оскорбляете...

Не люблюсь я...

– Не любуйс-с-ся... – весело сказал Шеф. – А докажи.

Слабо под ноль подстричься?

– Ничё не слабо, – хрипло буркнул Васька, – у меня денег нет.

– Это я тебе дам, – совсем развеселился Шеф, – десять

копеек с меня. Безвозмездно, – вытащил из кармана горсть мелочи, поковырялся там и – бам! С размаху звонко стукнул десюльником об стол. Класс застыл в полуобмороке.

Васька громко сглотнул, провёз по столешнице пальцем монету и... вышел из класса.

Возбуждённый Шеф подпрыгнул и уселся на стол. Поболтал ногами.

– Н-ну... – азартно произнёс он, – хоть одного уважать можно. Ещё мужики найдутся?

...И они пошли.

Первым из-за парты вылез Кусок, пропетлял своей расхлябанной походкой к доске, дёрнул шеей по-блатному: мол, сам чёрт ему не брат. Потом Синий со своим дурацким смешком: «Гы-гы!» Кузя, Барсук, Ося, Лыка... Пятнадцать человек. Последнему Шеф выдал полтора рубля. Без отдачи.

...На стрижку «под ноль» ушло ровно два урока, парикмахерская же была напротив школы... Хотели было оскоблить головы бритвой до блеска, назло Шефу, но парикмахерша отказалась.

В итоге школе пришлось пожалеть о бездумном поступке её директора. Лысые надолго лишили покоя не только свой класс, но и всю параллель восьмых, и девятые. И седьмые...

Сначала толпами на переменах ломились посмотреть; потом «нулевой отряд» слаженно летал по школе, толкая всех с дикими криками в коридорах. Пугали малышей, толпой заваливаясь в начальные классы, сносили очередь в буфете...

Слово «лысый» побило все рекорды по частоте употребления. Зайдя в класс после перемены, учительница русского языка обнаруживала исправления в написанных ею на доске темах сочинений: «Онегин – ЛЫСЫЙ человек», «Татьяна – ЛЫСЫЙ идеал»...

Но, конечно, всё когда-то кончается. Лысая эпопея закончилась в тот день, когда перед уроками Селивёрстов встал у доски и крикнул:

– Секите!

Вынул изящную мужскую расчёску из кармана, в одно касание продул её справа налево и... легко прочертил ребром от макушки до лба. Потом чуть повёл расчёской влево.

И все увидели – волосяной ёжик послушно лёг за движением его руки.

Потому что он перестал быть ёжиком.

Вот такая история.

Про...

Ну, наконец-то мы... Сначала был ростовский – обычный, грязный, бестолковый поезд южного направления: какие-то бабки с мешками, помидоры-яйца, клочки газет, крупная соль в спичечном коробке, раздражённое: «Хр-р-ржданин, можно в другую сторону ноги свесить?..» Гоголь-моголь из нашего средне- и южнорусского говора, разгорячённые тела, съехавшие с полок засаленно-полосатые матрасы, младенческий плач, вагонные запахи – сами знаете какие, описывать не буду.

А потом, уже из Ростова, поездом Москва – Ереван прямо до места назначения, города Сухуми, куда мы с мужем и пятилетним Серёжей ехали на море, отдыхать.

Вот здесь всё было удивительно. Нет, грязь и пыль в плацкартном вагоне такие же, как бы ещё не похуже, но...

Начнём с того, что на весь вагон были только три блондинистые головы – моя, Игоря и Серёжина. Остальные – жуковая смоль. Гортанная быстрая речь. Толстые тётеньки с пухлыми руками в перстнях, в тяжёлых серёжках с красными камнями – улыбчивые, ласковые, а мужчины, наоборот, поджарые, резкие. У меня до сих пор впечатление, что все женщины в вагоне были армянской национальности, а мужчины – грузинской.

Серёжа только успевал головой вертеть. И пахло здесь со-

всем по-другому – пряными травами, кинзой, орехами. Ба-клажанной икрой. Толстый лаваш лежал на столах вместо хлеба. Горланное многоголосье сливалось в какую-то странную музыку, приятную для уха. Все в вагоне были уже знакомы – видимо, ехали прямо от Москвы, а не то что мы – на перекладных.

Мы занимали три полки в плацкартном «купе», одна верхняя была свободна. На боковушке двое решали кроссворд из «Огонька». Это было по-настоящему смешно, мы с Игорем еле сдерживали хохот, потому что «разгадыватели» были нетерпеливы, горячились, переругивались и в конечном счете все ответы подогнули, пренебрегая правописанием, удваивая буквы, где их не хватало. Я сожалею только о том, что не захватила с собой этот журнал, который попросила «почитать», потому что в кроссворде перлов хватало...

Проводник стал разносить чай. Он делал это совсем не так, как в ростовском поезде: сначала раздал пустые стаканы, а потом явился разливать.

Для чайной церемонии он специально нарядился в белую куртку, и она странно контрастировала с огромным, алюминиевым, дико закопчённым чайником, где всё уже оказалось заварено. Было трудно отделаться от мысли, что чайник кипятился на костре, разведённом где-то там у них в проводничкой.

...А потом в вагон сел тот парень. На боковую нижнюю полку, недалеко от нас. По виду – грузин. Кепка, усы – всё

как положено. Сел – и сразу развил бурную деятельность. Он выскакивал на станциях заносить вещи новым пассажирам, бегал за чаем и сигаретами для соседей, подбрасывал на коленях чьего-то малыша, когда матери надо было отлучиться. «Костёр в заднице», – тихо произнёс муж, когда парень в очередной раз мелькнул по коридору.

Вечером он ухитрился поссориться с кем-то не из нашего вагона и выяснял отношения в тамбуре; а я, выйдя в туалет, с опаской слушала про «кынжал», который у него всегда при себе, и он готов пустить его в ход, когда «нужна спра-авэдливість».

К концу дня он утомился и лёг; а ночью рыцарски уступил своё нижнее место вошедшей женщине и, прямо в носках, оставив туфли на прежнем месте, явился к нам и занял свободную верхнюю полку.

Утром сосед был готов разделить наши хлопоты. «Эй, брат, принеси ботинки!» – крикнул он, вертанувшись на полке в другую сторону и сунув голову в коридорное пространство. Непонятно, кому конкретно адресовалось послание, но какой-то «брат» немедленно принёс ему обувь. Он вышел на ближайшей станции и купил арбуз, которым угощал нас и особенно настойчиво Серёжу, умиленно глядя, как тот вгрызается в ароматный полумесяц, а потом водил его мыть лицо и руки.

Настало время обеда. Работники ресторана понесли металлические судки, гремя многоэтажной подставкой и рас-

пространяя по вагону терпкий запах распаренного харчо, жареного лука, перегоревшего томата и бог знает чего ещё...

Парень харчо брать не стал, а взял азу по-татарски с варёным рисом, сел рядом с Игорем за столом и открыл крышку. Напротив сидели мы с Серёжей.

Остро запахло томатом и солёными огурцами. Парень начал есть. Серёжа провожал напряжённым взглядом каждый кусок мяса, исчезающий за шевелящимися усами. Что делать? Я ёрзала от неудобства ситуации... Ни увести, ни отвлечь ребёнка было невозможно. На третьем куске наш сосед поднял глаза от миски и, подвинув её к Серёже, ласково спросил: «Хочэш?»

Тут Серёжа перевёл взгляд с парня на меня и спросил своим ясным хрустальным голоском:

– Мама... Это – чурка?

Показалось мне, или на самом деле в вагоне повисла звенящая тишина?

О боги мои, опустите бархатный занавес над этой постыдной сценой! Никогда, слышите, никогда, клянусь вам, не было в нашем семейном лексиконе этого слова!.. Никогда я не чувствовала себя такой тварью и идиоткой одновременно! В голове обрывочно летали мысли про «кынжал» и высадку по стоп-крану посередине нагретой зноем степи. И это было бы «спра-авэдливо».

Видимо, всё это хорошо читалось на моём мучительно напряжённом лице с полузакрытыми глазами.

Знаете, что сделал парень? Он протянул свою смуглую большую руку через стол и потрепал моего сына по белобрысым кудрям:

– Ничего, – сказал он, – малёнький ещё...

...Вагон привычно зашумел, и мы поехали дальше.

Про катыклош

– Ка-ти-клош, – по слогам диктует Гуля.

Я записываю. Понятно, что основа – слово «катык», но под Гулиным пристальным взглядом исправлять мне неудобно.

– Не знаю, как объяснять. У вас, Ирин-апа, вообще такой буква нет...

Задавив в себе чувство стыда за наш недоразвитый алфавит, в котором «вообще такой буква нет», плюю на фонетические изюминки узбекско-русского перевода, кладу карандаш, плотнее заворачиваюсь в плед и слушаю...

Было это лет двадцать назад. Гульмире было семь или восемь, когда её бабушка, Рсолат-бува, приготовила катыклош из катыка и лапши. Мулла прочитал над ним молитву, и получился священный суп для... Ок-момо, вот. Его разнесли соседям, по всей махалле, чтобы ели и молились за Рсолат.

Ок-момо? Дух. Нет, не ангел. Ангел на их языке будет фаришта. А это дух, что тут непонятного? Один из семи пыр. Дух, хранящий людей. Только Ок-момо – хранит бабушку, а Ок-бобо – дедушку.

Ок-момо надо просить, чтобы сделал волосы белыми. И забрал зубы, которых ещё полно, и все крепкие. Как – «зачем»? Старуха же... Голова белая – душа белая. Так у них говорят.

– Если этого нет, то что-то не то... – Гуля качает головой. – Стыдно. Перед соседями. Перед мулла...

Молчим. Я потрясена. Вспоминаю старый японский фильм, в котором старуха выбивает камнем зубы, чтобы сын отнёс её в горы умирать. Иначе семье не прокормиться. Смотреть было невыносимо, честно, а тут...

Я первой нарушаю затянувшееся молчание:

– И... Ок-момо...

Сделал, да. Только не сразу, конечно. Бабушка не один год просила. А когда заметила первую седину, так радовалась, так благодарила!

Потом, основательно поседев и распрощавшись с зубами, Рсолат-бува начала готовиться к смерти. Давным-давно, конечно, она положила в сундук всё, что необходимо для похорон. Но... достойные поминки? Все сорок дней, по обычаю, когда будут открыты ворота двора, куда зайдёт каждый, знакомый и незнакомый, кто хочет помянуть и помолиться за неё. И стол должен быть всё время накрыт и полон еды, чтобы никто плохого слова не сказал, а только вспоминали бы с уважением и восхищались...

Где бабушка взяла эту корову – такую же древнюю и костлявую, как она сама, никто не помнит. Корова сроду не давала молока и еле держалась на ногах, но бабушка вбила себе в голову, что та должна непременно дотянуть до её поминок. Тогда, мол, животное можно будет продать и богатый стол на все сорок дней обеспечить. В то время бабушка уже плохо

видела, почти ничего не слышала и на любое обращение к ней отвечала одной дежурной фразой: «Только-корову-мою-не-продавайте...»

Вот правнуки подбежали к её кровати:

– Бува-а-а, есть конфетка-а-а?..

– Только-корову-мою-не-продавайте.

Вот соседка зашла по делу:

– Апа, совета прошу...

– Только-корову-мою-не-продавайте.

Вот невестка, Зохида-ои касу с супом принесла:

– Ая, кушать будете?

– Только-корову-мою-не-продавайте.

– Далась тебе эта корова, – кричал сын, Хатам-тога, – Кто её купит, этот мешок с костями?

– Только-корову-мою-не-продавайте.

Довела всех до белого каления. Думали, всё, совсем ума лишилась бабушка.

Ан нет, это ещё не конец истории.

Корова вдруг раздумала греметь костями и родила телёночка. Хорошенького, мягкого, с серой звёздочкой во лбу. Все охали, изумлялись, цокали языками...

И бабушка встала с постели. Перестала повторять, как попугай, слова про корову. Знает, что с таким богатством достойные поминки ей обеспечены. Теперь у неё одна забота – просить Аллаха поскорее забрать её... Только Аллах не слышит, видимо.

Катыклош готовить надо.

Про ГТО

– Зашла я позавчера к подруге в геронтологический санаторий – она там на дневном стационаре пребывает. Пока Любка на процедурах была – ну не знаю, какие процедуры – электросон там, циркулярный душ, чего там ещё бывает? Я её во дворе поджидала. У них там приятно, цивилично – клумбы с цветами, беседка. Дорожка для бега размечена. Хотя какой там бег в нашем возрасте, Го-с-с-споди... Села на лавку рядом с тренажёрами, сижу. А тут и «спортсменки» выходят. Три человека. И тренерша с ними. То есть не тренерша, нет, а как это правильно? Да, инструктор по лечебной физкультуре. Тоже немолодая, но – всё при ней: фигура, осанка... Идёт – как по волнам плывёт: ни дать ни взять – флагманский корабль! А эта троица у неё в фарватере болтается, еле поспевает.

От спортсменок глаз не оторвать. В одной сто пятьдесят килограммов; второй сто пятьдесят лет, спина плывёт параллельно земле, голова вверх задрана. У третьей, видимо, в бедре искусственный сустав: сделает шаг, потом раз – в сторону нырок. Но желание спортом заниматься – вижу – огромное. Все экипированы – спортивные костюмы, кроссовки, как положено. На инструктора смотрят, как на икону. Верят, что если будут все её команды выполнять, к истечению срока путёвки тоже поплывут, как каравеллы по зелё-

НЫМ волнам.

Тренерша построила их в шеренгу и говорит:

– Так. Сегодня сдаём ГТО.

Потом поперхнулась, откашлялась, подумала и добавила:

– Норматив для дам элегантного возраста.

Команда оживилась и радостно загомонила. Я ушам своим не поверила. Какое им ГТО – думаю. Поднимите мне веки – раз, два? Но инструктор дело своё знала. Сдающие нормы ГТО застывали на одной ноге под тиканье секундомера, крутили головой, работали кистями, старались попасть мячом в пластиковую корзину, растягивали эспандер. Работали неумоимо. Я тоже была захвачена зрелищем, даже забыла на Любку разозлиться, что не идёт долго. Да если она и пришла бы, я всё равно трибуну, то есть лавку свою, не покинула бы.

«Тренерша» тщательно заносила результаты в блокнот. Но вот уже и ей, видать, неумоимость дам «элегантного возраста» надоела, она всё чаще стала на часы поглядывать, а физкультурницы только в раж вошли. Мероприятие пора было сворачивать. Очевидно было, что необходим красивый завершающий аккорд.

– Так... А теперь, – инструктор понизила голос, – основной норматив.

Все напряглись.

– Дистанция шестьдесят метров... Эр-ротической походкой...

– На скорость? – азартно пискнула стопятидесятилетняя.

И заперебирала ногами, готовая сорваться со старта.

– Как-кая вам скорость? – рявкнула тренерша.

А потом расплылась в улыбке и подмигнула:

– На качество...

И в свисток – фрррря!

О-о-о... Это было незабываемое зрелище. Описывать не буду, слов не найти. В воздух взлетали руки, ноги и... лица. Боже, какие лица! Не намотришься. Они шли прямо ко мне, сидящей на лавке там, где финиш. И счастливо улыбались, глядя мне в глаза. Как ни крути, а я-то – единственный зритель... Особенно отличилась та, с эндопротезом. Ей бы я отдала первое место и сертификат на преподавание частного танца.

Короче. В Олимпийские игры или уж хотя бы в нормы ГТО предлагаю внести вид спорта – эротическая ходьба. На качество. Поверьте, от зрителей отбоя не будет...

Про пирожки

А то тётка не знала, что за Машкой глаз да глаз нужен! Впору из дома выходи да внучку эту к подолу пристёгивай. Зазевался – а она уже на десятом конце... Чешет – как на колесе едет. Ножищи длинные, косолапые, в сандалии обу-тые, как спицы мелькают. Шиш догонишь.

Тётка очень старалась: сжала руку Машкину и волокла по Советской, не оглядываясь. От Максима Горького до Ок-тябрьской пять кварталов – не шутка, знай пыхти, не отвле-кайся! Общественный транспорт – деньги, а денег у них кот наплакал. Тёткина пенсия и зарплата вахтёрская. Не разбе-жишься.

Какие черти дёрнули её у этого лотка с пирожками оста-новиться? Всё, как моя мама говорит, желание из себя со-стоятельную даму изобразить. О, мон анж, пирожки с чем у вас? А свежие ли? И легонько, аристократическим пальцем своим через полиэтилен – тук! И с усталой пренебрежитель-ной улыбкой – ну вот видите? Позавчерашние... Простите, милочка, мы такое не едим. Нам, мол, булочник каждое утро корзинку свежих круассанов доставляет...

Пока тётка эту молчаливую мизансцену перед лотком с булками разыгрывала, руку Машкину на минуту выпустила: правая сумкой занята, а левой она пирожок трогала. Потом с достоинством встретила ненавидящий взгляд продавщицы,

легко перенесла его, потом задумалась, тронулась по Советской... А когда опомнилась, Машки уже и след простыл.

Куда? Как? Только что здесь была? Но Машку в лёте за хвост не поймаешь: может легко по целому кварталу кругалю дать, так бежит, что пятки в задницу влипают. Короче, металась тётка в отчаянии взад-вперёд, на боковые улицы заглядывала – нет нигде паразитки! И не то страшно, что потеряется; ни в жизнь эта воструха не потеряется! Натворит чего – не расхлебаешь потом...

Как в воду глядела. Пометавшись, решила тётка к лотку с булочками вернуться. Уже издали увидела – там Машка. Продавщица-сорока отвернулась и с подружкой болтает, а эта паршивка... Тётка задохнулась. Машка стояла перед рядом пирожков и со всего размаха вонзала указательный палец в самую серединку каждого. Но предварительно тихонько спрашивала: у вас пирожки свежие? И пальцем – тык!.. В пирожке дырка. Машка уже протыкала весь ряд до конца и пошла по второму кругу с последнего: у вас пирожки свежие? Тык – две дырки...

Тётку затрясло: у неё и на один-то пирожок денег не было, а не то что на добрый десяток, которые Машка продырявила. Как она ту в охапку схватила и уволокла через сквер на Набережную, чтобы окольными путями до бабулиного дома добежать, – сама не помнит.

Вот теперь тётка с бабулей за столом, а Машка в углу стоит, в одних трусах, чтоб на улицу не смела сбежать. Носом к

стенке. Ноги косолапые, длиннющие, как лианы в джунглях друг друга оплели. На правом полупопии, чуть пониже трусов, след от тапка, с которым тётка вокруг стола за ней гонялась. Достала-таки...

– Что ж, – говорит бабуля, звякая чайным стаканом о блюдец. – Всё закономерно. В кого же она такая артистка-то? В тебя-а-а-а. Вывела ребёнка из дома и веди, не отпускай, от пункта до пункта. Нет, черь-ти тебя разобрали пирожки щупать... Вот теперь хлебай.

А тётка наклонилась над столом низко, лица не видно. Сопит, чайной ложечкой в стакане болтает. Потому что крыть нечем. Всё правда.

Про варенье

В 1975 году мне было семнадцать лет. Мы с папой в тот год путешествовали по Крыму на автомобиле. Незабываемо. Но две короткие недели промчались, как сладкий сон, и надо было возвращаться домой.

...Наш пыльный, крашеный веником, гремящий всеми частями тела «Москвичок» трюхал по пыльному шоссе уже почти в ста километрах от дома, когда папин зоркий глаз выхватил как-то кривовато съехавшую на обочину небесно-голубую машинку и людей, копошащихся около неё.

Кодекс советского автомобилиста предписывал немедленно остановиться и оказать помощь. Что мы и сделали – съехали с дороги и притормозили чуть поодаль от терпящих бедствие.

– «Жигули» третьей модели, – завистливо вздохнул папа, опознав чудо отечественного автопрома, и мы быстрым шагом почапали узнавать, что случилось.

Их оказалось четверо: глава семейства курил в сторонке с непроницаемым лицом, девочка моего возраста стояла чуть правее и смотрела в сторону луга, обрамлённого пышными кустами, с жёлтой тропинкой сбоку, спускающейся к речке. По склону, ведущему вниз, бежал, подпрыгивая, кружась, мальчишка-подросток лет одиннадцати; он задирает голову к небу, что-то восторженно кричал, размахивая руками...

Устал в машине, видимо. За открытой передней пассажирской дверцей угадывалось какое-то копошение; женская рука выбросила на обочину резиновый коврик.

– Здравствуй, – в спину девочке произнесла я. – Я – Ирина.

Девочка оглянулась. Она оказалась такой красивой, что мне немедленно захотелось причесаться. Тёмные волосы, высоко забранные в конский хвост, чудесные синие глаза, чуть подтянутые жёстко схваченными волосами к вискам, маленький улыбчивый рот с мило вырезанной верхней губой...

– Я – Лена, – немедленно откликнулась она. Рот приоткрылся в улыбке, и показались сахарные зубки, не идеально ровные, а немного «толкающиеся» друг с другом, словно им было тесновато. Но от этого девочка выглядела ещё милее.

Между тем над дверцей показалась голова её мамы. Женщина сделала шаг вправо, распрямила затёкшую спину и на пару секунд застыла перед нами во всей красе. Вот это было нечто! Это была Джина Лоллобриджида и Лолита Торрес одновременно! Яркие, удивительные, фиалковые глаза, капризно изогнутый рот, от которого глаз не оторвать, тёмные короткие кудри, растрёпанные, буйные, вольные и в то же время как-то очень правильно обрамляющие голову, идеальный овал лица, нежная родинка на щеке... Из-за капота машины было видно только верхнюю часть её тела – ловко схваченную сарафаном тонкую талию, высокую гордую

шею, обрамлённую какой-то шлейкой, поддерживающей са-
рафан... Звезда итальянского кино.

Я перевела взгляд на девочку. Та была выше ростом, круп-
нее, выглядела попроще. Лена с улыбкой наблюдала за моей
реакцией – привыкла, видимо.

Женщина тем временем, бросив на нас сердитый взгляд и
не ответив на моё робкое «драсс...», вновь исчезла за двер-
цей авто. Папы курили в сторонке, о чём-то переговариваясь.

– Так что случилось-то? – спросила я. – Плохо стало в
дороге? Тошнило кого-нибудь?

– Да нет, – сказала Лена, понизив голос, – это мама варе-
нье разлила.

Между тем, по мере того, как удалялся или приближался
к нам бегающий мальчик, стало слышно обрывочно слова,
которые он радостно выкрикивал в небо: господи... спасибо
тебе... хорошо-то как... счастье какое, боже мой...

И это было странно.

– А этот тогда чего радуется?

– Серёжка? Ну как тебе объяснить... Понимаешь, у нас
мама... такая очень... Ну практичная, что ли. Ей из любой
ситуации надо извлечь максимум. Вот, например, она не мо-
жет просто в лес поехать гулять и наслаждаться, ей обяза-
тельно оттуда что-то унести надо. Грибы, ягоды, само со-
бой, а если нет ничего – лист лесной малины, иван-чай, хоть
шишки для дачного самовара. Мы когда только на лесную
дорогу сворачиваем, она сразу про всё забывает. Такое впе-

чатление, что грибы, например, уже под землёй видит, когда они ещё и не проросли даже. Вот едем, быстро, а она: «Вадик!.. Стой!.. Гриб!.. Гриб!..» И точно: гриб.

– Но сейчас же вы не из леса едете?

– Не из леса. Мы в Крыму отдыхали, у дяди Лёни. Мама варенье весь отпуск варила, мы и сахар специально с собой туда везли. Там абрикосы бесплатные, в дяди-Лёнином саду. Все купаются, в горы ходят, а она варит. Ну и злится, конечно. Наварит – три или четыре полиэтиленовых мешка друг в друга вложит, разольёт по ним варенье, и мы потом везём... Завязывать их нельзя, варенье может забродить. Поэтому мы всю дорогу едем как истуканы – между ног у каждого мешок с вареньем, два ещё между нами с Серёжкой на заднем сиденье, специально укреплённые. И три у неё, на переднем: один между ног, и по одному за правой и за левой ногой.

Я попыталась представить картину размещения мешков с вареньем. Получилось плохо.

– Ну?

– Вот и ну. Не знаю, что уж там случилось, заснула, может... Хотя вряд ли... Папа-то точно не виноват, он уже насобачился плавно и быстро ездить, чтоб не колыхало... Короче, как-то дёрнулась она, и – одно за другим – варенье всё – бряк на пол... И сидит, по колено в варенье... А закричала когда – мне показалось, скорая помощь с сиреной за нами едет...

Помолчали. Надо было переварить услышанное.

– Ну... а брат-то чего радуется? – мне почему-то надо было выяснить всё до конца.

– А ты послушай, что он кричит, – предложила Лена.

Мы опять замолчали. Я прислушалась. Порыв ветра донёс очередной сумасшедший крик:

– Гос-с-споди!.. Господи! Благодарю тебя, Боже мой!.. Спасибо тебе! Что это не я! Как хорошо, что это не я-а-а-а!.. Господи-и-и!..

Всё стало ясно. И мы поехали дальше. Но весь оставшийся путь перед глазами стоял маленький живой самолётик, кружащийся на зелёном лугу с раскинутыми руками, радостным криком благодарящий небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.